

По праву зверя

Автор:

Анна Владимировна

По праву зверя

Анна Владимировна

Проданная зверю #3

- Ее надо отдать «зверю»...

Силуэт доктора расплывался. По телу волнами разливалась дрожь, голова кружилась, а место укуса на шее пульсировало все сильнее.

- Я видел это десятки раз. Если они так метят женщин, варианта ни для кого не остается. Она начнет погибаться, а антидота нет.

Я думала, что хуже в моей жизни уже быть не могло, но один рывок «зверя» разделил жизнь на «до» и «после». И теперь остается добровольно сдаться ему, чтобы он... закончил начатое...

Анна Владимировна

По праву зверя

Пролог

Я видела его впервые в медицинском боксе.

Хотя картина не менялась. Все они попадали сюда в таком виде – разодранная плоть, кровь, тяжелое дыхание, переходящее в хриплое рычание... Этому не повезло особенно. Черные волосы мужчины были мокрые от пота, смуглая кожа казалась серой из-за потери крови, а по телу волнами била крупная дрожь от избытка адреналина. Веки плотно закрыты, но под ними заметно движение глаз.

– Док, мы тебе нужны? – хрипло спросил один из охранников, намекая на возможность перевести дух. Второй молча ушел.

Я знала, что они работают на износ, что каждый день с этими... зверьми мог стать последним, и становилось только хуже. Остаться одной в обществе раненного не хотелось, хоть я и понимала, что он надежно зафиксирован. «Звери» вызывали страх на инстинктивном уровне. Один взгляд этих желтоглазых чего стоил – кажется, они мысленно сдирали кожу и перегрызали горло. Опасные, неменяемые твари, хоть и выглядят людьми... на первый взгляд.

– Осторожно, док, этот – не искусственный, – не дождался ответа охранник, устало наблюдая за моими приготовлениями.

Ничего специфического мне тут не понадобится – остановить кровь, зашить особенно большую рану, наложить пластыри и влить тонизирующее. Если бы не ощущение постоянной опасности, отупела бы на такой однообразной работе.

– Ну и что? – вспорола ножом майку пациента, оголяя крепкий рельеф пресса и груди.

– Нормальные они, жаль – мало их...

– Сколько? – откинула бесполезную тряпку в ведро.

– Двое.

– Если нормальные, что он тут делает? – Я взялась промывать раны. На груди была самая глубокая.

Стоило тронуть, кровь потекла быстрее, и «зверь» задышал чаще, из горла вырвалось хрипкое рычание, от которого меня бросило в нервную дрожь.

- Их эти «реплики» ненавидят, - кивнул охранник в сторону коридора. - Ну те, что искусственные. А эти настоящие, породистые.

Меня передернуло от его слов - как о скоте говорит.

- Почему не отселить их? - машинально поддерживала беседу, лишь бы этот тип не ушел.

- Да мне какое дело?

- Помогите. Его надо приподнять и дать энергетик.

- Да брось ты, - вдруг фыркнул он. - Все равно выкарабкается, на них все как на собаках заживает.

Я медленно потянулась за скальпелем и сжала в трясущихся руках - меня это всегда успокаивало, и тремор проходил быстрее.

- Пошел вон, - прошипела, сжимая инструмент в ладони.

- Спокойно, деточка, - сузил глаза охранник. - Положи скальпель.

- Мне он нужен, - цедила холодно. - Пошел вон, я сказала!

Мужчина криво усмехнулся:

- Позовешь, - бросил многозначительно и убрался из отсека.

Я позволила себе несколько тяжелых вздохов, успокаивая дрожь, и вернулась к пациенту.

- Твари, убудки... - шипела, обрабатывая раны.

«Зверь» то ли потерял сознание, то ли успокоился, но больше ни на что не реагировал. Около часа я зашивала его большую рану на груди, не жалея анестетика, что бы эти твари-охранники ни говорили. Опуститься до изверга несложно. Жизнь меня швырнула в эту передрагу, но терять человеческий облик я не собираюсь. Чего не скажешь о людях, которые обслуживают это жуткое путешествие. Если бы я только знала, с кем предстоит работать...

- Эй, - позвала пациента, но он не среагировал. - Эй, мне сказали, ты умный...

Не знаю, как я додумалась шлепнуть его по щекам. В следующий миг меня будто ошпарило от взгляда, которым вдруг уставился «зверь». По коже прошлась волна мелких мурашек, а в груди сдавило от страха. Это желтоглазых я боялась? Они не шли ни в какое сравнение с этим. Глаза этого «зверя» горели жидким огнем, отливающим синевой, и он будто перекачивался вокруг зрачка, заворачивая и лишая воли. Может быть, поэтому я не успела дернуться, когда он одним рывком оторвал фиксаторы по бокам койки и кинулся. Тележка с инструментами и препаратами с грохотом улетела в стенку и рассыпалась. Меня припечатало рядом, едва успела выставить ладони, чтобы не разбить лицо, а в спину вжалось горячее тело. «Зверь» схватил меня за шею одной рукой и рванул на себя.

Как же не хватало скальпеля... Стоило только подумать эту глупость, шею будто ошпарило кипятком и приложило разрядом. Я дернулась. Сердце сделало кульбит, остановилось и ударило больно о грудную клетку. Задержав дыхание, я рванулась в ужасе изо всех сил, но бесполезно.

- Помогите! - наконец, прорезался хриплый голос. - ПОМОГИТЕ!

Пальцы цеплялись за его запястье, но вырваться не удавалось. «Зверь» шумно выдохнул мне в висок, а когда в коридоре послышался топот, с трудом набрал воздуха в легкие:

- Не придешь ко мне - сдохнешь, - прохрипел на ухо, - не делай глупостей... теперь ты - моя.

В этот момент в бокс влетела охрана, и давление чужого тела исчезло. Позади слышались крики и ругань, звон рассыпанного по полу инструмента. А я просто сползала по стенке на трясущихся ногах.

За шиворот стекала теплая капля крови, и, быстро остывая, противно холодила спину, а я все еще пыталась отдышаться.

– Хайди! Черт, – меня подхватили на руки и куда-то потащили.

Кажется, сам капитан примчался, но голова упрямо отказывалась воспринимать этот мир, поставленный на паузу этим хриплым рычанием. А оно будто заблудилось внутри, спускаясь все ниже, будоража солнечное сплетение, сбивая дыхание и... согревая.

«Ты – моя...»

* * *

1

Звон металла ударил по барабанным перепонкам, и я поежилась.

– Готово, кровь остановилась, – доложил кто-то скрипучим голосом. По лбу скользнула прохладная тряпка.

– Хайди, – прогнулась койка под чужим телом. – Ты меня слышишь?

– Хреново это, кэп.

Я открыла глаза и поморщилась. По ощущениям, мне откусили половину шеи вместе с рукой до лопатки. С губ сорвался стон.

– Хайди, – кэп приложил к губам стакан с водой, которую я жадно принялась глотать. – Твари...

– Это не они твари, а мы.

Рядом стоял Бенжамин, ученый с той самой базы, с которой экипаж корабля привез этих нелюдей. Его силуэт расплывался и двоился, но его ни с кем не спутать. Яркий представитель восточного мужчины, лысый и смуглый, он пристально всматривался в мое лицо.

– Бенжи, не надо морали, – раздраженно поднялся капитан Морган.

Он мне казался тут самым нормальным. Зачем он взялся транспортировать эту живую контрабанду на восток, понятия не имела. Но наверняка были причины. По крайней мере, так думать было легче. Потому что все остальное, во что меня швырнула жизнь, не давало никакой опоры.

Еще две недели назад я сидела на ступенях медицинского университета со скальпелем в руках и думала, что жизнь закончилась. Восьмой год жестокого графика и нагрузок мое тело не выдержало – подвело, сдалось... Чертов тремор поставил крест на карьере хирурга. До сих пор помню взгляд куратора, старика Ходина, когда он вынес свое последнее слово, обозвав его «рекомендацией». «Не надо, Хайди... Зарежешь кого-нибудь на операции – до конца дней не выйдешь. Давай подумаем о переквалификации, это единственный вариант. Практикующих консультантов сегодня сильно не хватает. Неврология, педиатрия...» Я тогда молча встала и ушла. Через неделю двери моей квартиры взломали, вытащили меня из-под одеяла, поставили капельницу... Но, видимо, привели в чувства недостаточно, потому что я влипла в какую-то дикую историю и оказалась на корабле.

Когда мне позвонил Ходин и предложил работу, чтобы «встряхнуться и переключиться», я даже не задумалась о том, чтобы что-то проверить. Сам же куратор снизошел... Мне обещали хорошо оплачиваемую должность корабельного врача на двухнедельное плавание. Опять же – не год. Смена обстановки обещала перспективы просветления или хотя бы смирения с тем, что половину жизни можно слить коту под хвост. А за две недели платили очень хорошие деньги. Хватило бы на весь курс переквалификации, если я уговорю себя на этот унижительный шаг.

Но после отплытия оказалось, что все совсем не то, чем казалось до этого, а дна своей жизни я достигла не там, на ступеньках университета, а тут... с раной на шее.

– Ее надо отдать ему, – подтвердил мысли Бенжамин. – Я видел это десятки раз. Если они так метят женщин, варианта ни для кого не остается. Она начнет погибаться.

По телу прошла дрожь, голова закружилась...

– Хайди...

– Это нервное, – мотнула головой и села. – Все в порядке.

Я раздраженно накинула рубашку на плечи и осторожно покрутила головой.

– Мисс Белл, вы меня слышали? Мы не нашли антидот, хотя искали десять лет. Антидот есть только у них самих...

За эту неделю я много всего узнала. Что общество наше весьма чудно, и не только люди в нем живут. Эти твари, что рычали и царапались в нижнем отсеке в клетках – производные от вполне цивилизованных хищников, существующих с нами бок о бок. Правда, цивилизованность в ходе экспериментов они потеряли напрочь.

Я все больше приходила к мысли, что Ходин меня утилизировал. Уж ему ли не знать, что такие, как я, не выживают. Спиваются, сторчиваются, но жизни таким неудачникам больше нет. В патологоанатомы и на свалку. Меня не выпустят отсюда живой. Слишком многое я вижу и понимаю. И только капитан Морган продолжает почему-то переживать.

– Сколько я протяну? – подняла взгляд на ученого.

– Я не знаю. Мы не проверяли.

– Искали женщин для них, да?

Бенжи опустил глаза:

– Думайте сами, – и вышел из медотсека.

- Хайди, - снова позвал кэп, и у меня внутри все сжалось.

Этот его участливый взгляд слишком напоминал о жизни, в которую меня больше не выпустят. Только спросить я все не решалась, да и кто мне скажет правду?

Моргану было около пятидесяти. Симпатичный мужик, породистый. Закаленный, с прямой спиной и развитым телом. Я бы даже пошла к нему в руки, если бы позвал. Но он смотрел на меня как на дочь, и это временами бесило. Мне жить осталось неделю, а он жалеет! А теперь, кажется, и того меньше.

- Не вздумай умирать, - вдруг огорошил он.

- Я вообще-то не собиралась, - растянула губы в усмешке, - но вы же все понимаете...

- Я бы не дал тебя в обиду, - тихо, но от этого не менее весомо заявил он.

То ли от адреналина, то ли от безысходности, но я вдруг почувствовала, что мне все равно.

- Возьми меня к себе в каюту сегодня и не дай в обиду, - решительно потребовала я.

В синих глазах капитана заплескали бледные искры, уголки сухих губ тронула усмешка, а я чуть не зарядила ему пощечину от обиды.

- Возьму, - неожиданно согласился он. - Чтобы проследить за твоим самочувствием.

Я закатила глаза, попробовав не даться ему в руки, но в моем состоянии это было невозможно. Морган подхватил меня под колени и лопатки и понес из отсека.

Я притихла у него на груди, опасаясь, чтобы никто не попался навстречу. Смелость как ветром сдуло, на смену ей пришла еще большая слабость. В коридорах было безжизненно, шаги кэпа отдавались глухим эхо от стен и больно били в виски.

- Все же интересно, сколько времени у меня осталось, - задумчиво прошептала, оглядывая каюту. Типовая, без изысков, но хорошо пахнувшая свежим мужским телом и гелем для бритья.

- Дура, - выругался кэп и бережно уложил меня на свежую постель.

- Вы же слышали Бенжи, - растянулась я нагло на прохладной простыни. - Да и этот зверь сказал, что сдохну...

Капитана передернуло.

- Посмотрим, - напряженно выдохнул он. - Я не дам тебе умереть.

- Лучше бы не дал замерзнуть. - Меня и правда начало знобить.

- Хочешь что-нибудь? - просканировал меня обеспокоенным взглядом.

- Согрей, - с трудом ворочала языком, проваливаясь в сон.

- Хайди, - холодная ладонь легла на лоб, вторая рука тряхнула за плечи. Послышалась ругань, но тут же схлопнулась вместе с сознанием.

* * *

- Блейк...

Я моргнул. Пялился на решетку, люто ненавидя это идеальное железо, которое не согнуть, не выбить. Оно воняло отчаянием и безнадежностью, его запах оседал на языке горечью бессильной злости. А теперь к ней добавился еще и запах собственной крови и антисептиков.

Но это все в прошлом. Все изменится. По крайней мере, я на это рассчитывал. И теперь перебирал в мыслях возможные варианты развития событий, чувствуя, как наливаются яростью мышцы. Нет, ее не выбили за эти пять лет заключения. Она копилась внутри, настаивалась, набиралась силы и крепла, как хорошее вино. Скоро все хлебнут... Все, кто встанут на пути.

– Блейк, что случилось? – Дарджел тяжело вздохнул позади, вероятно, усаживаясь. Я обернулся к нему, наблюдая на его лице ожидаемые метаморфозы. – Кто тебя так? – выдохнул он изумленно, поднимаясь.

А я подумал, что надо бы его вытаскивать из пристрастия к крепкому снотворному, которое ему радостно тут отсыпают горстями. Да, когда спишь, проблем не существует, они не ковыряют мозг вместе с тоской и бессилием что-либо изменить. Но сегодня меня это перестало устраивать.

Я почувствовал ее запах несколько дней назад. Думал, у меня галлюцинации, ведь эти лабораторные крысы таскали мне женщин каждую неделю в надежде, что хоть кто-то подойдет, и я потеряю голову и начну подчиняться. Как Дарджел. И теперь меня преследовали сны о ней, а похороненное в заключении либидо восстало из мертвых. Маленькая черноволосая девчонка с большими глазами и оливковой кожей. Кажется, я полжизни не хотел женщину так сильно, хотя прошло пять лет с того дня, как попал в лабораторию.

– Хотел убить Лукаса, – направился к Дарджелу.

– Ты?! – раскрыл он широко глаза. – С чего вдруг?

С того, что мне нужно было добраться до своей женщины.

– Бесят недоделки, – и я уселся рядом с ним, давая себе передышку. Дарджел усмехнулся. Желтоглазые нас ненавидели, но обходили стороной. Если бы я не кинулся на их предводителя, они бы не напали. Но я мог попасть к ней, только если бы нуждался в ее помощи. – У меня есть идея...

– Я тебя не узнаю, – устало прохрипел Дарджел. – Какой-то деятельный стал.

– Я нашел свою пару.

Наступила тишина, в которой слышно было, как старый борт скрепит под натиском воды. Я впервые почувствовал себя неуютно. Внутри все оживало и встряхивалось, начинало чувствовать.

- Не вовремя, - наконец, постановил друг.

- Ты помнишь, как люди боялись праймов?

- Они их не брали.

- Они не могли знать о каждом, - злорадно усмехнулся.

Дарджел повернул голову:

- Ты...

- А знаешь, почему боятся?

- Догадываюсь, - поежился он.

- Мне просто надо до нее добраться...

Его смешок оказался неожиданностью.

- Ты что, думаешь использовать такую связь ради силы?

Я повернулся к нему и заглянул в потухшие глаза:

- Я вытащу тебя отсюда, обещаю. А потом мы найдем Рами и твоего сына.

Глаза Дарджела блеснули на миг и угасли. Он уперся затылком в стенку и облизал губы:

- Ты не сможешь ее использовать, Блейк. Думаешь, я умираю медленно внутри вдали от своей женщины просто так? - его голос слабел. - Чтобы получить силу,

нужно отдать всего себя. Только так... Иначе не получишь ничего.

Я посидел, слушая его дыхание, потом провел по повязке на груди. Она пахла ей. Запах будоражил кончики нервов, дразнил и потихоньку изматывал. А кроме того, в душе начало ворочалось беспокойство – что если она не придет ко мне? Вдруг предпочтет умереть?

Она не похожа на других... Глаза слишком решительные, немного злые. И что она делает здесь? Заманили враньем, как и половину команды? Но она не сломалась. Продолжает делать свое дело – штопает ошметки на наших телах после стычек, и не жалуется.

В коридоре слышались шаги. Знакомые. Они принадлежали единственному человеку, которому здесь не хотелось перегрызть глотку сходу. Капитан приблизился к прутьям и остановился напротив.

– Бенжамин говорит, она не выживет без тебя, – глухо процедил, глядя на меня усталым взглядом.

Пришло время торговаться.

3

Я поднялся и медленно направился к решетке:

– Ты теряешь людей, а еще неделю плыть. Желтоглазые не становятся спокойней – только больше звереют, – начал я. Они убили уже троих охранников. А транквилизатор помогал все хуже – даже под их воздействием им удавалось рвать глотки. – Я могу помочь.

Капитан презрительно щурился, только не я его вынудил транспортировать этих обезьян через пролив. Ответить ему таким же взглядом ничего не стоило.

– Я – прайм. Единственный среди них. Отдай мне ее, и проблем с мутантами у тебя больше не будет.

Будут другие, но о них я пока не скажу.

Капитан отвел глаза, вздыхая, отвернулся, походил туда-сюда, будто у него был выбор.

- У нее жар, не могу сбить...

- Теряешь время, - прорычал я. Неожиданно мысль о том, что ей плохо, заставила ощериться. Я едва не рванулся к прутьям и не вцепился когтями в глотку собеседнику.

- Куда ее тебе? Сюда? - неприязненно скривился он. Мысль о том, что он равнодушен к моей девочке, больно огрела, но я стерпел. - И откуда мне знать, что ты не причинишь ей боли?

- У тебя нет выбора, - заставить себя торговаться холодно и расчетливо стоило всех сил. - И... мы не можем сделать что-то, что причинит избраннице боль... - Пришлось внять словам друга, по крайней мере, сейчас они казались правильными. А запах свободы пьянил. Зверь рвался наружу, и он сметет все на своем пути... Но позже.

- Я... отдам тебе каюту, - наконец, решился он.

- И никаких камер, капитан, - сурово цедил я.

- В каютах нет камер, - поднял он на меня растерянный взгляд. - Так ты обещаешь, что поможешь в обмен на Хайди?

- Даю слово. Желтоглазые больше не будут проблемой.

- Мне нужно, чтобы никто из экипажа не погиб больше от их руки, - тяжело дышал кэп. - Или от твоей.

Это уже не входило в мои планы. Но я не собирался держать слово перед людьми, которые делали из меня раба.

Заминку кэп расценил, как мой диалог с совестью.

– Хорошо, пошли, – и он вызвал по комму охрану.

* * *

Казалось, я была под долгим наркозом. Первым вернулся слух, но пошевелиться не было никакой возможности. Все так же пахло свежим бельем и... цветами. Тонкий аромат яблочного сада наполнял спокойствием, будто я просто уснула на газоне перед университетом весной. Одно время жила там, чуть ли не ночевала. И каждый год по его периметру невероятно завораживающе цвели старые узловатые яблони. Они щедро посыпали голову лепестками при первом дуновении, и я еще половину весны находила и вытряхивала сухие лепестки из карманов худи и рюкзака.

Вдохнула глубже, ожидая, что рот привычно наполнится слюной, но запах пропал. А вместо него ноздри наполнились чем-то терпким, горячим, на языке невыносимо загорчило, сбilo дыхание и пульс. Тело бросило в пот, стало холодно, и меня затрясло, но тут же будто накрыло чем-то теплым. В шею ткнулось горячее дыхание, а солнечное сплетение завибрировало от животного рыка. Я попробовала рвануться из кокона оцепенения, но влетела лопатками в крепкое тело и упала обратно на мокрую простынь. Кровать прогнулась под тяжестью, и шеи коснулись... языком. Мышцы сократились в одном остром импульсе, и с губ сорвался стон.

Память вспороло воспоминание о звере, его укусе... и как напросилась к капитану в постель. Из груди вырвался расслабленный стон. Я же сама хотела, а тело так ярко отзывалось на ласку, что я сучила ногами, надежно придавленная к кровати. Только зачем-то он водил языком по воспаленной ране, и та неожиданно реагировала горячей пульсацией вместо боли.

– Морган, – попыталась возмутиться, только он вдруг совершенно невменяемо зарычал так, что тело снова вздрогнуло от озноба.

На шее сомкнулись пальцы, и я дернулась. Но он не душил – просто прижимал к себе. Вторая рука мужчины заскользила по обнаженному телу, стирая пот и дрожь, и я послушно выгнулась, вжимаясь попкой в его бедра.

– Еще раз позовешь капитана, – раздался хриплый знакомый шепот у уха, – порву его на лоскуты...

Я широко раскрыла глаза, хватая ртом воздух. В груди скакнуло сердце и забилось о ребра как в последний раз. Я рванулась изо всех сил, но куда там! Сама же позволила себя распять на кровати. Ему только осталось придавить и...

– Я же говорил – сдохнешь без меня, – и он провел носом по шее, красноречиво делая длинный вдох и дополняя его касанием острых когтей.

Сознание расколосось. Одна, затухающая часть, забилась в истерике, и я рванулась из лап монстра, но, кажется, только сильнее в нем увязла. Зверь втиснул между бедер колена, расталкивая ноги, и вдруг протяжно лизнул рану. Шершавый язык, казалось, взбудоражил каждый нерв. В виски ударило, голова закружилась, отключаясь, уступая место какой-то незнакомой мне сущности. Она отзывалась на действия зверя, стонала и сдавалась его ласке.

Противоречивые эмоции сводили с ума, рождая дикую агонию, только ему было плевать. Он использовал любое мое движение, чтобы заполнить все пространство между нами. Я только почувствовала пугающее давление между ног и сжалась, готовясь к боли, когда он вздернул меня на колени и рванул вверх. Глупо, но мне все это напомнило какой-то дикий танец. Его рука, скользившая по моим ребрам вниз, широко расставленные дрожащие ноги и запрокинутая на его плечо голова. Мы покачивались в собственном ритме прерывистого дыхания и дико скачущих сердец. Я слышала, как стучит его собственное, и этот звук все больше вгонял в транс. Я сама дернулась бедрами ему навстречу, и он жестко ворвался внутрь, жадно отвечая.

Каждое движение корежило волю и распалило желание. Желание, чтобы Зверь не останавливался. Я чувствовала, как скользят когти по коже, оставляя горящие следы, как катятся капли пота, собираясь и срываясь вниз, встречаясь с его руками и будто вспыхивая в месте столкновения. В горле невыносимо саднило от крика, переходящего в беспомощный хрип. А в животе уже сжималось от давно забытого предвкушения, которое странным образом примиряло со всем происходящим.

Удовольствие было немислимо, неправильно, запретно, но от этого становилось только острее. Не соображая, я двигалась быстрее, выпрашивая все, что он

собирался дать, или даже требуя. Когда он развернул меня к стенке, я закричала в голос. Не в силах вынести его напор, снова рванулась из его рук и оказалась на животе, где Зверь беспощадно довел меня до такой изматывающей разрядки, что я едва не потеряла сознание, скуля и вздрагивая.

Он тяжело дышал мне в затылок, не выпуская шею из лап. А я чувствовала себя так хорошо и устало, что едва успела отметить затухающим сознанием абсурдность всего происходящего... и провалилась в сон.

* * *

4

* * *

- Что ты... - Капитан так и застыл в проеме каюты, не успел я даже сползти с девчонки.

- Пошел вон, - зарычал так, что даже в свете тусклой лампы было видно, как он побледнел. Еще и один приперся, герой.

- Что с ней? - прохрипел он упрямо. - Ты обещал, что не сделаешь ей...

- Нормально все с ней, - еле заставил себя связать слова. Слез с кровати и медленно направился к нему, как был - голым. - Это нормально, - процедил. - Или мне тебе о каждой позе отчитываться, в которой я буду ее трахать?

- Не надо мне угрожать, - с трудом выпрямился он у проема.

- А я не угрожаю. Пойди спроси у своего ученого, что делают со зверем, который выбрал себе самку, и что может сделать, когда к нему лезут в самый неподходящий момент...

Придурак бросил нерешительный взгляд на девчонку, а у меня внутри будто что-то дернулось из подсознания и прорвалось наружу. Я вспомнил, как она приняла меня за него, и в один вдох схватил его за горло у стенки, выпустив клыки и когти. Капитан задергался, отчаянно хрипя и хватая меня за запястья, пришлось ослабить давление.

– Ты с ней спал?! – приложил его затылком о железо.

Он только и смог, что отрицательно мотнуть головой, а меня будто из тисков выпустило. Клыки втянулись, помутнение прошло также быстро, как и наступило. Я отпустил капитана, и тот сполз по стенке, пытаюсь отдышаться.

– Не входи сюда больше, это – наше с ней логово. – Я присел, заглядывая человеку в глаза: – Будут чужие запахи – получишь еще одного невменяемого больного ублюдка в моем лице, оно тебе надо?

Кэп тяжело сглотнул.

– Мы договорились. Я свое слово держу.

– Хорошо, – кивнул он, поднялся с трудом и вышел, шатаясь, а я хлопнул дверью. Щелкнул электронный замок. Та же клетка, но ничего, не надолго.

Как только нас отрезало от внешнего мира, отголоски умопомрачения зазвучали ярче. Я медленно повернул голову в сторону кровати и осторожно втянул запах... Чистое бешенство, даже сердце застучало быстрее и четче. В вены будто жидкого огня плеснуло, и я жадно сглотнул. Я хотел ее. Без остановки, до одури, до воя. Замер, нависая над ней и пытаюсь обуздать все это внутри. Значит, вот оно как? Найти ту самую... А тело продолжало требовать взять. Только девушка вымученно отключилась, а я не собирался трахать бесчувственное тело.

– Придется потерпеть, – констатировал сам себе. Тишина каюты наполнила вдруг согласным спокойствием. Я огляделся – не шибко просторная, скорее – тесная, но все лучше клетки. А, кроме того, девчонку свою долго ловить не придется. То, что она даст деру, даже не сомневался. Непривычные человеческие женщины к тому, что их раскладывают и присваивают без спроса, а эта всем им фору даст. Я с интересом разглядывал все, что было доступно

взгляду – бледная кожа со следами моих зубов и когтей, круглые плечи, трогательные ямочки на округлых крепких ягодицах, черные спутанные волосы... Не смог отказать себе в том, чтобы дотронуться. Убрал волосы с ее лица и залез на кровать, инстинктивно отгораживая ее от дверей.

Чувство страха за кого-то кроме себя, озадачило и напрягло. Но все внутри было под контролем, и я успокоился. До утра.

5

По ощущениям, я так и не уснул, но для того, кто «проспал» все эти годы, ничего удивительного. Без снотворного и с новыми возможностями, что давала девчонка, жизнь заиграла новыми красками. Инстинкты просыпались, обостряя чувства. Жизнь пульсировала, разгоняя кровь и наполняя тело предвкушением. Я пролежал до самого утра, прижимая к себе ее и едва сдерживаясь, чтобы не разбудить и не продолжить. Отвлекали только мысли о том, как выбираться отсюда и что следует сделать первым делом. Я так увлекся, что даже не сразу заметил, что она вздохнула глубже.

Когда она застонала, я насторожился и обхватил ее лицо:

– Эй, – позвал хрипло.

Она повела головой, но просыпаться не спешила, и я решил действовать решительней. Жар у нее спал, на ощупь казалась даже ледяной – не помешает разогреть. Но где-то в глубине тревожило опасение, что ей плохо. То, что я пометил, но не довел дело до конца, было плохо. То, что может умереть – слышал в лаборатории от персонала. Но сейчас по идее все должно идти на лад – вон, даже щеки порозовели, и дышит спокойно. Я провел ладонью по ее лицу, лаская большим пальцем нежную кожу. Даже не думал, что это может быть настолько приятно. У меня пять лет не было женщин, а теперь вдруг есть та самая, с которой все по идее должно быть по-особенному. Но я понятия не имел, как это. Казалось, впервые трогаю женщину, переживаю, что ей может быть плохо... даже чувство вины, давно забытое, подняло голову. Ну и на черта мне весь этот багаж?!

Я опустил ладонь на грудь девчонке и сжал. Она хрипло застонала, завозилась, но терпеть уже не было сил, и я скользнул носом вдоль ее позвоночника, оглаживая бедра, присваивая... Мысль о том, что вся она – моя, выдрала из груди довольное рычание, и девочка дрогнула, вскинулась, пытаюсь отползти, вывернуться, но чхать я хотел. Рывком вернул на место и запустил язык между ее ягодиц. Ее ощутимо тряхнуло в моих руках, но мне было мало, и я запустил в нее пальцы. Смотреть, как она дергается, как впивается тонкими пальцами в помятую простынь и крутит попкой, было невыносимо. Я дернул ее к себе, намереваясь рвануться внутрь без прелюдий, но что-то остановило, потащило к ней, и вот я уже склонился к ее шее, собрал волосы в кулак и коснулся губами чувствительной кожи, намереваясь... успокоить?

Заполнять ее медленно оказалось крышесносно. Она сжималась, становясь невыносимо тесной, и терпение, казалось, рвало жилы и выворачивало от напряжения, но я не сдавался... Теперь это было важным, потому что где-то на задворках сознания уже трепыхалось что-то чуждое – чужие эмоции. Они уже били током собственные нервы, не позволяя делать то, что хотелось.

Когда я втиснулся полностью, она застонала.

– Тш, – сорвалось с губ, а в груди рванулся фейерверк восторга от ее всхлипа. Не могла сопротивляться, отвечала, хоть и пыталась вырваться, и это срывало последние предохранители. Когда я позволил себе все, даже не заметил. Пришел в себя мокрый и опустошенный сверху на ней, дрожащей и такой же выжатой досуха. Ее спина, тонкая и светлая, как проблеск солнечного луча в этом вечном мраке, была исполосована когтями. Это отрезвило и бросило в жгучее чувство вины. Повинуясь инстинкту, я нагнулся и лизнул набухшую бисеринами крови царапину, на что девчонка неожиданно резво дернулась из моих рук, подскочила и дала деру с кровати. Но уже у дверей ее ждал сюрприз – электронный замок.

– Мы – в тюрьме, – поднялся я и сел, глядя, как она дергает ручку и барабанит в механизм, отвечавший ей красным индикатором.

Наконец она обняла себя за плечи, пытаюсь спрятаться, закрыться, а у меня в груди набух липкий комок злости. Только не понятно, на кого.

- Что... - прохрипела она, закашлялась, пытаясь что-то сказать. Я поднялся и прошел в ванную. Когда вернулся со стаканом воды, девчонка уже сидела на кровати в простыне. Новый вид мне не понравился, но я не стал выпускать клыки по этому поводу. Она и так была на грани.

- Пей, - протянул ей стакан.

Жадно его опустошив, она облизнула губы.

Я осторожно опустился рядом, невыносимо желая схватить и прижать к себе, заставить себя хотеть. Идиотизм инстинкта вырвал из груди хриплый смешок.

- Что смешного? - зыркнула она на меня зло, ежась.

- Мне не смешно, - качнул головой. - Как ты себя чувствуешь?

- Обычно я об этом спрашиваю, - усмехнулась она. - Зачем ты...

- У меня не было выбора. Так бывает. Ты - моя пара. Мы - в замкнутом пространстве. - Я врал. Или нет?

- Это теперь, - огляделась она, дрожа.

- А к кораблю ты уже привыкла?

Неожиданно говорить с ней стало важным. Мне нужно было ее «да». Я не хотел больше брать силой, так не может продолжаться постоянно.

- Потеря крови лишает контроля, - оправдывал себя. - Я не мог сопротивляться тогда. А потом стало поздно. Ты могла умереть.

Она тяжело дышала, облизывая губы и глядя мне в глаза.

- Что тебе нужно? - вдруг спросила абсолютно ровным голосом.

- Свобода.

– Это невозможно, – подняла она голову, глядя в потолок, но продолжая сжиматься в комок.

– С чего ты взяла? – прищурился я. Теперь она казалась маленькой и глупой, нуждающейся в заботе и тепле. Но в тепло она не собиралась, а я боялся сделать резкое движение.

– До сих пор что-то не освободился, – вернула на меня свой прямой пронизывающий взгляд.

– Сначала силы были неравны, потом отпало желание. Когда тебя фаршируют наркотой, наверное, тяжело оставаться собой. – Меньше всего хотелось вызывать к себе жалость, но взгляд ее смягчился. – Теперь у меня есть и силы и желание.

– Я думаю, нас не выпустят живыми, – плечи ее расслабились. Она откинулась на стенку, у которой стояла кровать, и подтянула к себе ноги. – Вас продадут. Меня... скинут в море.

– Как тебя занесло сюда? – Хотелось слушать ее. Чтобы говорила, дышала ровней, расслаблялась еще и еще. Чтобы стало можно дотянуться и погладить...

– Посушили практику, – передернула она плечами, будто сбрасывая мои пальцы. – У меня нет диплома, никто не возьмет в здравом уме. Выбраковка... – и она почему то опустила взгляд на свои руки, сжимающие простынь вокруг ног. Те еле заметно подрагивали.

Мы посидели в тишине, необъяснимо объединяющей.

– Мне нужно зализать царапины.

Она вскинула на меня прежний испуганный взгляд:

- Что?

- Если не зализать, останутся шрамы. А тебе еще жить и жить...

Я сказал это просто так, как само собой разумеющееся, но девчонка на меня так посмотрела, что я сразу понял – дал обещание. Ничего из сказанного друг другу не проходит бесследно, слова будто выжигаются на коже договором, который не нарушить. И подписались мы под ним оба кровью...

- Ты будешь жить. Обещаю.

- Что взамен? – перешла она к обязанностям сторон.

- Ты нужна мне.

- Надолго?

Я бы хотел обещать, что нет. Мне и самому было все это ни к чему. Так какая разница, кому еще на этом корабле я собрался врать ради свободы. Одной больше, одной меньше.

- Будем свободны – разойдемся, – и глазом не моргнул.

- А мы точно сможем? – Эти торги ее здорово отвлекали, даже щеки порозовели.

- Говоришь так, будто роль шлюхи для тебя привычная, – оскалился я.

- Да пошел ты! – зашипела она и взвилась, только намерение остаться в простыни ее подвело. Достаточно было поймать край ткани, в которую она замоталась, и добыча уже лежала у меня между ног, соблазнительно барахталась и шипела.

- Спокойно, – сел сверху, но куда там! Заерзала пуще прежнего, стимулируя лишь одно желание – трахнуть. Я рывком собрал волосы у нее на затылке и осторожно потянул на себя. Девчонка замерла, как кролик, гневно раздувая ноздри и шумно сопя. – Что же ты перестала договариваться? Начинала неплохо.

- Потому что с придурками не договориться! - прошипела она.

- Вот как? - усмехнулся. - А что же ты капитана вчера звала? - Я наклонился к шее и нагло лизнул, прикусывая в конце. Мысль, что она решила обаять капитана ради спасения, засела болючей занозой где-то глубоко.

- Не твое дело, - выдавила она, дрожа.

- Теперь - только мое. Вся ты - моя, - дразнил ее дыханием, точно зная - не может сопротивляться. Уже вся влажная и зовущая. Но трогать ее сейчас - разрушить попытку ее шага навстречу. - Не давай повода для ревности, буду убивать всех, кто решит устроить мне конкуренцию. Я - зверь, помнишь?

Она напряженно дернулась из рук, и я нехотя выпустил, заставив себя выдать:

- Прости за «шлюху». Я сейчас далек от способности мыслить спокойно.

Она отскочила к краю, но тут щелкнул замок, и дверь открылась без стука. На пороге нарисовалась охрана. Понимание, что я могу устроить их безвременную кончину меньше, чем за минуту, на миг застлала глаза пеленой ярости. Но было не время.

- Отошел к стене, - ткнулось в мою сторону дуло. - Штаны надел и на выход.

Кое-как заставив себя взять в трясущиеся от ярости руки, я плавно выполнил приказ, чтобы охрана не нервничала. На запястьях сомкнулись наручники - ребята делали вид, или им и правда не сказали, что вчера я сорвал с петель крепления в медбоксе?

- Пошли, - кивнули мне на выход.

Я бросил последний взгляд на девушку, только тут понимая - даже имени ее не знаю. А она сидела, вжавшись в стенку, и дрожала.

Просто не будет.

Никому.

* * *

7

* * *

Когда двери захлопнулись, меня затрясло сильнее. Чертова болезнь играла на нестабильных нервах привычную партию, подчиняя. Показалось, что все это время она боялась его – зверя, который был рядом, который...

– Ч-ч-черт, – выругалась сквозь стиснутые зубы, заставила себя отодраться от стенки и дотащить до ванной. Я так и залезла под горячую воду в простыни – не могла разжать руку, которая судорожно сжимала узел на груди.

Стоя под душем, я все ждала, что накроет, размажет от осознания – меня просто подложили этому монстру! А что ждала? Человеческого отношения? Я зло засадила в плитку кулаком, разбивая костяшки в кровь. Вся спина и задница саднили и горели, на шее пульсировал воспаленной раной укус, и разбирало от ярости. Может я и пожалею себя, но позже. Не умираю, как пророчил Зверь – и то отлично!

Нацепив на себя форму, участливо приготовленную на стуле, я выползла из каюты капитана. По пути попадался персонал – механики, охранники... все как обычно. Но сегодня казалось, что на меня все смотрят, как на падаль. Новости на корабле, пусть и не маленьком, разносятся быстро. А тут еще такая!

Когда я оказалась перед дверью в медбокс, щеки уже пылали от злости. Закрыв за собой двери, я вытащила антисептики, содрала комбез до талии и попыталась обрабатывать царапины, до которых могла добраться, но особо не преуспевала. Боялась смотреть в зеркало, на шее, должно быть, набухла гематома, потому что зверь не брезговал освежать рану все утро, или что он там с ней делал. Вроде не болело, но кожа горела слабым теплом, обозначая воспаление. Нужно будет

выпить антибиотик, уколоть обезболивающее, обработать...

- Хайди...

Я вздрогнула и повернула голову к капитану, стоявшему в дверях. Выглядел он откровенно плохо – помято и расстроено. Только мне было плевать, хоть я и понимала, что он не виноват.

- Дай помогу, – подошел он решительно ко мне и взял из руки тампон. – Прости. – Между лопаток оказалась большая царапина, а я и не чувствовала, пока он не провел по ней. – Я не знал, как тебя спасти.

Чувствовала злость в его голосе и отчаяние.

- Зачем ты взялся за этот груз? – терпела боль от антисептика, морщась.

- Пообещали слишком хорошие деньги, – усмехнулся обреченно. Не стал юлить, но, вероятно, они уже были не нужны такой ценой. – Что он с тобой... делал?

- То, ради чего отдали, – пожала плечами.

- Я хочу знать, как ты! – обхватил за плечи.

- А как я могу быть?

- Не дури, – развернул к себе и заглянул в глаза. – Ты могла умереть!

- Не скажу, что лучше бы умерла. – Мне было удивительно легко его добивать. А вот он уходил в еще большее отчаяние. – Я не буду резать себе вены, если ты об этом. Со мной все нормально.

Морган вдруг сцапал и притянул к себе, сжимая в руках:

- Это я виноват, – выдавил жалко в висок. Я только раздраженно поморщилась, высвободилась и принялась натягивать комбез.

– Ты взрослый, решай проблемы по мере необходимости.

– Проблема в том, что ты будешь теперь спать с ним, – тихо сообщил он. – Бенжи говорит, по-другому никак. Иначе получим бешеного неуправляемого зверя на корабле и труп в твоём лице.

– Я знаю, Зверь поставил меня в известность, – щурилась я на металлическую стенку. – Ты об этом пришел сказать? Узнать, есть ли у тебя гарантия спокойствия на ближайшую неделю?

– Хайди... – начал он, но я только мотнула головой:

– Давай закончим, и так тошно.

Я врала. Чувствовала себя на редкость отлично – ни слабости, ни боли. А когда прошла мимо зеркала, подумала – показалось. Вернулась на шаг назад и замороженно уставилась на свое отражение. От шрама почти не осталось следа – поверхность была гладкой, лишь слегка розовой. Но и это не все. От меня было не оторвать взгляда – кожа перестала отливать синевой от бледности, стала чистой, будто мраморной, глаза чуть ли не сияли, а губы разгладились от ошметков сухих чешуек. Морган, который до этого лицезрел меня в полумраке перевязочной, хмурился на мое отражение в зеркале освещенной приемной.

– Ни черта себе, – выдохнул хрипло.

– Ага, вот это регенерация, – сделала вид, что остальные спецэффекты меня мало интересуют. – Что там еще Бенжи говорит?

– Можешь поговорить с ним, – рад был угодить кэп.

Может, и стоило этим попользоваться. Как назло, жить захотелось аж до зубовного скрежета. Если вчера я еще пребывала в какой-то отрешенной апатии, то сегодня уже все это меня не устраивало. А значит – надо было запастись информацией.

* * *

* * *

– Дарджел, – и я снова шлепнул друга по щеке. – Проснись! – Он, наконец, заворочался и замычал, трясая головой. – Дарджел. – Поднял его и попытался усадить, но он снова свалился на кровать. – Твою мать, какого черта ты жрешь столько снотворного?!

Он долго моргал и болезненно хмурился на свет, явно не осознавая, где он.

– Я вижу во сне Рами, – прохрипел. – И Тоя...

Я стиснул зубы и шумно выдохнул:

– Держись, увидишь их – обещаю, – процедил.

В груди грызла пустота, теперь обостренная жаждой. Я скучал по девчонке, будто знал ее всю жизнь. Ненависть к тюремщикам вспарывала мышцы при каждом звуке голосов людей. Казалось, я не выдержу этого сопротивления, и у меня физически порвутся сухожилия от сдерживаемой ярости. Но было не время...

– Я устал, Блейк, прости, – с трудом выровнялся Дарджел и запрокинул голову.

– Не прощу, – и я залепил ему пощечину с такой силой, что у него голова мотнулась в сторону. – Ты нужен Рами! Приходи в себя! Возвращайся ко мне! – И снова не поспешил на замах. – Ты мне нужен!

Наконец, он рыкнул и вскинул руки, отпихивая меня в грудь:

– Твою мать! Отвали!

- Вот и отлично.

Я сделал шаг назад, оценивая результат. На щеке наливался краснотой след от ладони. Он нахмурился и протер лицо.

- Прости.

- Не надо у меня просить прощения, ты о своих думай и прекращай жрать снотворное! - Я схватил со столика пачку и вышвырнул через прутья. Таблетки с шелестом разлетелись по коридору. Вся эта атмосфера тюрьмы бесила! - Чтобы я больше не видел, понял?!

- Какого тут происходит?! - оцарапало нервы от скрипучего визга охранника.

- Иди куда шел, - огрызнулся я, но, в отличие от меня, охране заняться было нечем.

- Ты, шавка безродная, - остановился мужик напротив, но я продолжал стоять к нему спиной. - А ну повернулся! - А я думал, какую октаву он возьмет, когда я оторву ему руку. - Ты оглох?!

- Нет, но скоро, если будешь так орать, - сообщил ровным голосом.

- Не борзей, на вас все быстро заживает, сдадим красавчиков, - зашипел он мне в спину, - а плыть еще долго...

Я мысленно пометил ублюдка крестиком и обернулся:

- Успокойся, подними таблетки и иди мимо.

В оскал я, наверное, вложил все свое предвкушение того момента, когда перекушу ублюдку шею. Он отцепился от прутьев, неприязненно морщась:

- В жопу себе засунь свои приказы, без тебя разберусь, - прохрюкал, но таблетки поднял и убрался, продолжая обещать мне разнообразные прелести расправы.

Когда я привел Дарджела в более-менее нормальный вид, вступило в силу обычное бортовое расписание – завтрак, после которого всех сгоняли в общий ангар, чтобы у нас не атрофировалась задница. Ну и забава для охранников – ни дня не проходило без драки «желтоглазых».

Эти мутанты, по идее, планировались сильнее оригиналов, то есть таких, как я. Но инженеры не учитывали, что, помимо куска мяса, который мы собой представляем, в нас еще есть нечто большее, что определяет силы и возможности. Раньше мне было плевать на эту чушь. Теперь это было решающим преимуществом. Пора доказывать свое превосходство.

Я привычно оттащил Дарджела в угол и отгородил собой, прежде чем за спиной слышались шаги.

– Залатали? – Я, оборачиваясь, застал кривую усмешку Лукаса. Высокий и широкий в плечах альбинос вечно выглядел так, будто обгорел на солнце. Откуда только они взяли таких? Говаривали, что родоначальники этих неженков – резиденты горной суровой земли, там проще отлавливать представителей моей расы. Никто не кинется потери. – Что это был за акт доброй воли, Тихоня? Тебе крышу тоже подлатали, или ты все еще разыгрываешь жертву?

Я развернулся к нему и смерил взглядом. Да, я никогда раньше не лез на рожон, только огрызался, давая понять, что подходить ко мне не нужно. Но вчера пришлось кинуться, да еще и сдаться под расправу.

– Просто захотелось осмотреться, – пожал плечами. – Выбраться за пределы камеры...

– В следующий раз попроси – я просто подкину, – усмехнулся он криво, и его поддержали несколько «шакалов», стоявших за спиной.

– Следующего раза может и не быть, – я сделал шаг ему навстречу. – Разговор к тебе есть.

На его не обезображенном интеллектом лице мелькнуло удивление, он отшатнулся. Но, скорее, пораженный моей наглостью, а не реальной угрозой. Я не чувствовал больше силы, которая будоражила всю ночь.

– Что за разговор? – прищурился он.

– Мы в одной лодке, – я усмехнулся каламбуру. – Надо думать, как драпать. Доплывем до земли с теми же раскладами – не выберемся.

Он искривил губы в усмешке:

– Позабавим людей – погрызем прутья?

– Я предлагал мозгами пораскинуть, но раз тебе нечем... – злился я.

– Я тебе сейчас голову оторву, посмотрим, кому будет нечем...

И Лукас кинулся.

9

Только я не собирался сегодня поддаваться. Раны практически не мешали, и я с наслаждением принял бой. Желтоглазые окружили, улюлюкая и рыча, но мне не нужна была их поддержка. Я слишком долго сдерживал злость, а теперь выплеснул ее с облегчением – прыгнул опешившему врагу навстречу. С первого удара пробил его защиту и так зарядил в кадык, что его отнесло к решетке и крепко срикошетило в пол.

Заклученные взвыли, но охрана, как обычно, лишь с любопытством тарасилась на потасовку. Да и что бы они сделали? Выдрали его из моих когтей? Сейчас никому это не под силу. Я трепал Лукаса со вкусом и забытой жаждой крови, хорошо контролируя себя. Ни переломов, ни серьезных травм – унизительно и действенно, чтобы обозначить свое превосходство и подчинить ублюдков. Как обещал кэпу. Правда, думал, что связь с девчонкой будет как-то по-другому работать. Но так даже лучше – самое то, чтобы спустить пар.

Когда я приложил предводителя желтоглазых финальным аккордом о железные прутья, охрана оживилась.

– Достаточно! – рявкнул равнодушно ближайший. Эти твари уже на глаз научились определять, когда нам достаточно.

Я выпустил Лукаса и развернулся в сторону своего угла. Дарджел взирал на меня с ужасом и неодобрением, и это стало новостью. И разозлило. Но я затолкал злость подальше и прошел мимо него к раковине.

– Блейк, – увязался он следом, – что ты делаешь?

– Прихожу в себя. И тебе советую.

– Они же нас не трогали...

– Тебя тронут твои хозяева, когда прибудем. – Я сплюнул кровавую слюну. Лукас успел пару раз махнуть удачно – разбил губу. – Или ты думаешь, сделают из тебя садовника?

– Я не вижу смысла опускаться до уровня этих уродов.

Он наклонился ко мне, и я не сдержался – схватил его за ворот футболки и потрянул:

– Очнись! – прорычал в лицо. – Ты либо борешься, либо тебя посадят на цепь те, к кому везут. Там не будет снотворного, чтобы забыться! Будешь расхлебывать суровую реальность...

Дарджел несогласно раздувал ноздри, но я не стал досматривать это его осмысление. По крайней мере, хотелось надеяться, что это оно. Только сейчас почувствовал, что под футболкой что-то намокло. Опустил взгляд и поморщился – по центру расплзлось темное пятно...

* * *

Корабль, на котором я оказалась, не относился к пассажирским комфортным лайнерам. Грузовое судно не первой свежести тем не менее оказалось одним из самых надежных. Но и это успокаивало слабо, когда ночами за бортом бушевала

буря, и оно скрипело под натиском стихии. В эти минуты камеры, полные мутантов, уже не так пугали – перед водой все будут равны. Судно почти полностью находилось под водой, а во время бури уходило в глубину, поэтому, в конце концов, психика приняла факт, что плавание само по себе довольно безопасно. Но только и всего.

Бенжамин я нашла в столовой за кофейным ритуалом. Вообще, он сюда не вписывался со своими аристократическими замашками, будто старался отгородиться, выделить себя из этой обшарпанной реальности, которую терпел. Не любила этот восточный типаж. Для меня все они себе на уме, беспринципные ходяки по головам в поисках собственной выгоды. На меня он смотрел всегда сальными блестящими глазками, но в этом не был оригинальным.

С первого дня на меня облизывалась добрая половина команды. От одного отбилась только скальпелем, хотя потом же и зашивала лапищу, которой он меня ухватил, но зато меня с тех пор больше никто не хватал.

Я согласилась плыть на юг, только когда мне пообещали, что не придется сходить на землю. Теперь оставалось лишь злорадно посмеяться своей тупости и доверчивости. Хотя чего себя обманывать? Мне хотелось себя добить...

Бенжамин смотрел всегда так, что становилось еще больше не по себе. Эти его черные глаза, будто подведенные черным от природы, не делали взгляд добрее. Вот и сейчас он смерил меня им, будто я была еще одной подопытной зверушкой.

– Как самочувствие?

– Хорошо, – направила я к кофеварке.

– Сядь, приготовлю нормального кофе.

А это было чем-то новым – он никогда ни с кем не делился своим кофе, запах которого, наверное, мертвого бы поднял. Я не стала отказываться, тем более мне нужно было его внимание.

– Расскажи про зверей, – уселась напротив.

- Что именно? - отвернулся он к горелке.

- Ты же о них все знаешь. Почему я чуть не умерла от его укуса?

- У них в слюне содержится быстросасывающийся яд... Если кусают клыками - то жертве конец. А если кусает избранную и совокупляется с ней - яд нейтрализуется и запускает механизмы изменения самки...

- Изменения?

- В зеркало себя видела? - усмехнулся он. - Вот эти изменения. - Поставил передо мной кружку, но я даже не обратила внимания. - Вы, генетически адаптивные женщины, как спящие куколочки для них. Стоит попасться им в лапы - хотите или не хотите, а начинаете превращаться в бабочку.

Было бы красиво, если не так тошно от того, каким образом меня превратили в эту самую... «ночную бабочку».

- Какие последствия? - холодно потребовала я.

- В смысле? - уселся он обратно. - Ты теперь - его самка. Как я говорил - антидота у нас нет, хотя его мы хотели найти в первую очередь.

- Зачем? - потеряла я логику.

На первый взгляд, у той толпы монстров, что перевозили в камерах корабля, не было ничего общего с намерениями найти антидот для людей.

10

- Мало кого устраивает, что однажды твою дочь вдруг погрызет недочеловек, не оставив выбора. А если она любит другого? Или не хочет связывать жизнь с чудовищем? Хотя... некоторые умудрялись даже уживаться с ними... - Он вздохнул и пожал плечами: - Мне, в общем, плевать. Мне платили за работу - я

работал. Теперь – домой. Ты кофе пей – остынет же.

– Так я что, теперь привязана к нему навсегда? – стиснула чашку в руках.

– Я не знаю. – Его это вообще не интересовало, а вот что-то другое было явно нужно. – Знаю только, что в лаборатории они за своих женщин готовы были умирать любой, даже очень страшной смертью...

Кофе показался мерзким на вкус – горьким и слишком сладким. Я только лизнула его и поставила чашку на стол.

– Твари, – прикрыла глаза.

– Они – да...

– Вы, – взглянула на него в упор. – Вам правда плевать?

Он растянул губы в холодной усмешке:

– В моей стране я насмотрелся такого, что эти годы в лаборатории показались просто курортом, Хайди. Вы там, в Крайтоне, расслабились, живете в цивилизации, хотя и там черни хватает. Эти ребята – звери, они приспособлены к условиям идеально, вживаются в образ людей, как волки в овечью шкуру, нам многому у них бы научиться...

– И вы учились, да? – презрительно сощурилась. – Эти желтоглазые – попытка научить человека быть более приспособленным?

– Хорошее дело, правильное. Потому что нет в этом мире другой правды, кроме силы. Кто сильнее – тот и прав.

– Я шла спасать людей в медицинскую академию, – поднялась из-за стола с намерением уйти, – мне бы и в голову не пришло использовать свои знания так, как это делаешь ты.

– Толку от тебя мертвой? – вдруг усмехнулся он. – Сначала выживаешь, потом снова спасаешь жизнь себе, и только потом, может быть, спасешь кому-то

другому. Другое дело, что такую, как ты, лучше вообще ото всех спрятать и доставать только чтобы полюбоваться самому...

- Да пошел ты, - скривилась, но его это только позабавило или даже обрадовало - глаза южанина заблестели ярче, а усмешка стала совсем похотливой.

Но досмотреть его эмоции не пришлось. На запястье пиликнул коммуникатор, и я быстрым шагом направилась в медбокс. Только к тому, что там увижу, подготовиться не вышло. Я остановилась на входе, увидев широкую спину Зверя. Никогда еще ко мне не конвоировали их втроем. Двое держали за руки, а один приставил к затылку пистолет.

Зверь истекал кровью. Серая футболка потемнела до самого пояса.

- Какого черта вы его не уложили?! - вскричала.

- Уложили один раз ночью, может не надо больше? - огрызнулся один.

- Выходите, я сама, - схватила халат у входа.

- Не положено.

Я подошла вплотную к мужчине:

- Он мне не сделает ничего больше. Приказ капитана. Вышли.

- Мы можем и не вернуться... больше, - ехидно усмехнулся тот.

- Не понадобится, - равнодушно констатировала и полезла за перчатками, демонстративно игнорируя конвой. Щелкнул предохранитель, и мужчины вышли. - Ложись, - скомандовала сухо и повернулась к Зверю. И едва не отскочила к стенке от его взгляда, полного то ли ненависти, то ли боли. - Ты меня слышишь? - Он моргнул, опустил плечи и повернулся к койке, снимая окровавленную футболку. - Что случилось?

Я смотрела за тем, как он укладывается, и чувствовала, как набирает обороты сердце. Каждое его движение будоражило, только не пойми с чего. Я его боялась – да. А еще он... я же трахалась с ним всю ночь...

– Я тебе вопрос задала, или ты со мной не разговариваешь?

Иллюзия, что днем он должен подчиняться мне хотя бы и ради спасения собственной жизни, добавляла уверенности.

– Ничего нового, девочка со скальпелем...

Я тяжело сглотнула, не веря ушам.

– Что?

– Ты часто держишь скальпель в руках, – охрип его голос, и он прикрыл глаза.

– Откуда ты знаешь?

Я взялась за края повязки. Закралось подозрение, что он бредит, но термометр показал стабильную температуру. Она немного выше, чем у людей, но у этого держалась в пределах их нормы.

– Вижу тебя в боксе, когда нас водят в столовую, – смотрел он в потолок, щурясь.

Кровь уже не бежала, оставалось только сменить повязку, но я двигалась, будто через силу. Зверь сгущал воздух, и я вязла в нем, тяжело дыша. Руки тряслись, но как-то непривычно, не как от болезни.

– Мое имя Хайди. – Я отвернулась и выбросила тампон в утилизатор. – Белл.

– Блейк. – И он перевел взгляд на меня.

– Просто Блейк? – Как я выдавила эти слова – сама не поняла. Зверь парализовывал. – Что... происходит?

– А что происходит? – вздернул он бровь, не спуская с меня взгляда.

– Ты... – запнулась я, приходя в себя. Какая ему разница, что меня так плющит? Может, воздержание сказывается? Или эти изменения, о которых говорил Бенжи. А если у меня мозги переплавит?! – Ничего...

Зверь дернул уголками губ, внимательно меня рассматривая.

– Мы ведь так и не договорились ни до чего утром, – проследил взглядом за моими руками с новой повязкой. Я только сжала губы, разглаживая края пластыря, и вздрогнула, когда он вдруг припечатал мои ладони к своей груди.

– Перед тем как ты назвал меня шлюхой, мы решили, что разбежимся на свободе, – осторожно дернулась.

– Я извинился, – и он рванулся рукой к моей шее. Не успела осознать, как оказалась сверху, едва не влетев руками в его грудь.

11

Запах цветов, которому не придавала значения все утро, вдруг стал резче, будто Зверя кто-то облил духами. Рот наполнился слюной, а в груди все сдавило от спазма незнакомых эмоций. Как анафилактический шок, только неправильный, но однозначно смертельно опасный.

– Отпусти, – процедила между поверхностными вдохами.

Он сжал зубы так, что я отчетливо услышала их скрип, и медленно вдохнул:

– Я сам буду решать, что мне с тобой делать, – выдохнул вкрадчиво, будто запустил мне каждое слово под кожу, и они пошли там выжигать нервные окончания мелкими разрядами тока. – Скоро... – А вот теперь меня словно холодной водой окатило, да еще и куском льда приложило. Это его обещание взорвало в душе сверхновую страха и сопротивления. – Сегодня...

– Обойдешься, я больше не умираю, – рванулась из его рук, и снова без толку.

– Могу устроить, – прорычал он мне в лицо и сжал пальцы в волосах, притягивая к себе ближе.

Никакая угроза не могла заставить меня ударить его в слабое место – центр раны на груди под повязкой, и я только бесполезно трепыхалась, когда позади вдруг раздался вкрадчивый смешок:

– Док, вам точно помощь не нужна?

Зверь зарычал, разжимая руки, и я вскочила с кушетки. Охранники не спешили с помощью, пялились на зрелище от входа. Все схватились за оружие, а Зверь рванул меня к себе за спину. Поступок нерациональный... с одной стороны, но мнение об интеллектуальных способностях охраны я с ним разделяла.

– Отпустил ее, – выступил один вперед, наставив пушку ему в голову.

Я почувствовала почти физически, как напряжение в маленькой комнатке достигает максимума, как напрягаются мышцы спины Зверя, за которой я стояла, и, не раздумывая, положила ему ладонь на плечо:

– Не надо, – выдохнула тихо.

Показалось, я нащупала у него кнопку отключения чего-то плохо контролируемого. Он опустил плечи, выпрямляясь, и медленно поднял руки за голову. Я только успела обойти его и кинуть последний взгляд на повязку, как Зверя схватили за руки и рванули к выходу.

– Осторожно! – рявкнула. – Кровотечение снова откроется!

– Да отлила у него кровь в другое место, – ехидно хрюкнул замыкавший процессию охранник.

И врезался в спину Зверя, который вдруг остановился, и тут же отлетел от удара локтем, с воем хватаясь за нос. Оставшиеся двое устроили истерику и ритуальные танцы с оружием, только пленник даже не дернулся, вызывая

восхищение. Можно было оглохнуть от происходившего. Неудивительно, что через минуту прибежал капитан.

- Что тут происходит?! - рявкнул на наемников. - Хайди?

Я бесстрашно обогнула орущих мужиков, тыкавших пушками в спину Зверю, и приблизилась к капитану:

- Мы закончили перевязку, его нужно в камеру, - посмотрела Моргану в глаза.

- Спрятали оружие! - гаркнул кэп и кивнул Зверю: - Пошли со мной.

Я провожала их удивленным взглядом - с чего это кэп так доверяет этому психу? Охранники плелись следом, только тот, что с подбитым носом, замялся у дверей бокса, хлюпая в кулак. Я закатила глаза и молча шагнула в бокс.

* * *

- Радикально ты навел порядок.

По тону капитана было непонятно, доволен он или нет, но было глубоко плевать. Меня трясло. От нее. Когда увидел, думал, прижму там же к стене - такая жажда стукнула в голову, что в глазах потемнело. А еще... мне не хотелось ее просто трахать. Я хотел ее всю - смотреть, разговаривать, злить и наслаждаться ее гневом и сопротивлением. Хотелось остаться с девчонкой на необитаемом острове, чтобы у нее не было выбора, кроме как идти ко мне в руки. А эта ее угроза не прийти ко мне вечером теперь срывала все предохранители.

- Она нужна мне каждую ночь, - процедил. И каждый день, если уж честно. Капитан кинул на меня взгляд, полный противоречий, но промолчал. - Ты меня слышал?! - рыкнул я в пустом коридоре, будто в колокол.

- Не ори, - пытался он восстановить статус кво. - Не можешь не пугать девочку?

- Не могу!

– А ты постарайся.

– А ты постарайся меня не учить, что делать с девочками, – цедил ему в лицо. – Если она не придет – пожалеешь.

– Остынь, я поговорю с ней, – и он раскрыл передо мной двери камеры.

– Отведи в общую – у меня там друг, – уперся я.

– Док сказала – в камеру, – попытался перечить он, но я уже надломил его статус в его собственных глазах, ничто не мешало давить дальше.

– Вот как начнет меня слушать – буду слушать ее. Отведи в общую, его могут потрепать без моей защиты...

Мы обменялись долгими взглядами, но я уже видел – сделает, как прошу.

12

Дарджела я нашел в том же углу, где оставил. Судя по взгляду, он все еще был на меня обижен. По крайней мере, на мое появление никак не среагировал.

– Мог бы хоть поинтересоваться, может, я умираю...

– Ты не умираешь, Блейк, – закатил он глаза, – как твой доктор? Проведал?

В голосе друга слышалась насмешка, но я не повелся. Осмотрелся вокруг – Лукаса видно не было. Не отвели его к моей девочке, и это главное. Его вообще не трогали по умолчанию, видимо, отконвоировали в камеру. Желтоглазые поглядывали на меня, кучкуясь поодаль, но без своего лидера они не нападут.

– Проведал, – уселся рядом и откинулся на стенку, прикрывая глаза. Лучше бы не видел ее. Теперь в груди жгло от злости – она меня еще и провоцировала! – Пользуется тем, что я заключенный, и показывает зубы.

Послышался смешок.

– Они такие, – выдавил вдруг он с горечью и болезненно поморщился. – Рами бегала от меня по всей клетке... сначала...

– А потом?

– Потом перестала, – пожал он плечами, мечтательно улыбаясь.

– Ну и что ты для этого сделал?

Стало интересно, будто я выуживал у друга приемы охоты на диковинного зверька.

– Да я даже не знаю, – пожал он плечами, – у нас же не было выбора. Она смирилась сначала, потом начала отвечать взаимностью. Но я старался... Ты понимаешь, если ей плохо – тебе тоже. Ты можешь чувствовать себя охрентельно, и все равно, если она страдает – будешь страдать с ней. Рами когда рожала там у этих... я на стенку лез. Всю боль и страх чувствовал, как свои собственные...

Я слушал, едва ли веря в то, что он говорил. Хорошо, что выбросил снотворное – у Дарджела явно начала «протекать крыша» на фоне страданий по своей семье.

– Они же свободны теперь, да, Блейк? – он посмотрел на меня таким взглядом, что меня зазнобило. Хотя, может, снова рана беспокоила.

– Они – да, скоро и ты будешь свободен.

Но он меня будто и не слышал.

– Мы не выберемся, Блейк. За пять лет не смогли – не сможем и теперь, вдалеке от Крайтона. – Он усмехнулся. – Я все не верил, что такое может случиться в моей жизни. Похищение, плен, эксперименты... Но я ведь не зря жил, у меня была Рами и Той...

– Не была, а есть, – с нажимом процедил я. Захотелось снова его встряхнуть и надавать по щекам. – Еще раз возьмешь снотворное, будешь без штанов у меня ходить, понял?

Дарджел только усмехнулся:

– Она прогнет тебя, Блейк... Отшлифует, стряхнет лишнее – будешь как новенький!

– Я прямо сейчас тебя вытряхну из штанов, – оскалился я.

– Побереги силы, – рассмеялся он. – Они тебе понадобятся.

Мы устроили идиотскую ребяческую потасовку, но это на удивление помогло сбросить напряжение впервые за долгое время и забыться. До ужина оставалась пара часов...

* * *

Сегодня все нервировало. Я разбила два флакона антисептика и костяшки в кровь, когда зарядила рукой в стенку с досады. За обедом повезло отыгаться на более пружинящей поверхности – физиономии начальника охраны. Сволочь позволил себе отпустить сальную шуточку на тему «права первой ночи» со мной, и уж тут я не сдерживалась. Капитан Морган зашел как раз в тот момент, когда верзила толкнул меня в ответ, и я отлетела кэпу в руки... Ох, как он орал... Но все больше я видела, что только орать он и способен. Морган боялся наемников.

– Он требует с меня штраф за гибель своих павианов, – рычал он, когда мы остались в столовой одни.

Кому-то надо показать яйца на этой лодке, иначе мы близимся к восстанию наемников.

– Попроси Зверя и их облаять, – пожала я плечами.

– Что? – сузил он глаза.

- Ну ты же договорился с ним о порядке среди заключенных, теперь он с моего стола не слазит - устанавливает статус-кво в обмен на меня, да?

Зверь против воли вызывал все больше уважения.

- Мне надо было дать тебе вчера умереть? - жестко процедил Морган, глядя на меня возмущенно. - Пока что эти твари загрызли троих наемников, но мои люди тоже под ударом. Если он может прижать желтоглазых - пусть берет их за горло. И да, он обещал.

- Я не пойду к нему больше, - отрезала я. - Не позволю собой размениваться.

Он посмотрел на меня усталым взглядом, играя желваками:

- Сама будешь с ним договариваться, раз мои договоренности тебя не устраивают.

И Морган вышел из кухни, оставив меня тосковать по скальпелю в руках.

Чтобы отвлечься от ожидания вечера, я занялась перекладыванием препаратов в медбоксе. Скальпель лежал рядом, но хвататься за него я не планировала. Успокаиваться не хотелось - адреналин мне понадобится, потому что сдаваться Зверю без боя я не собиралась. Понимание, что против него я бессильна, не уговаривало сложить руки. Запрусь надежно в своей каюте, и пусть выгрызает замок!

- Док, к вам пациент! - слышалось от входа, и я подскочила на ноги. Видеться снова с Блейком не хотелось, тем более с такими планами на вечер, но я ошиблась.

- Привет, - слабо улыбнулся смутно знакомый заключенный. - Я Дарджел.

- Иди давай, - пхнули его грубо в спину.

- Я просила не вести себя так с пациентами! - взвилась я.

– Да в курсе мы, – огрызнулся наемник и грубо надавил на плечо заключенного, чтобы тот упал на койку. Когда клацнули защелки на запястьях, он обернулся ко мне, скалясь: – Тебе, видимо, понравилось? Может, мне этого не так сильно крепить?

– Пошел вон, ублюдок, – процедила неприязненно.

Прикованный зверь напряженно дернулся.

13

– Ты подумай, мы можем оказаться лучше этих, – и он кивнул в сторону Дарджела. – Зови, не стесняйся.

И он вальяжно удалился, оставляя меня трястись от злости наедине со зверем.

– Док, – позвал он неожиданно участливо, – ты в порядке?

– Нормально, – только тут обнаружила в ладони скальпель. Вздохнув глубже, я положила инструмент на тумбочку и обернулась к заключенному: – Что такое?

– Я хотел с тобой увидеться, – нерешительно начал он. – Поговорить о тебе и Блейке... – Я замерла, хмурясь. Этого мне еще не хватало! – Блейк – мой лучший друг, – почувствовал мое настроение зверь и заговорил быстрее, – мы не моральные калеки, док...

– Хайди, – представилась я.

– Очень приятно, Хайди. – А улыбка у него добрая, даже мягкая. Глаза не такие, как у Блейка – прозрачные, как вода. И мой Зверь пугал с первого взгляда, а этот располагал к себе. Вид, правда, уставший и безжизненный, но в таких условиях откуда взять жажду жизни? Я снова подумала о Блейке... Он нашел выход, и упрекать его в этом глупо. Что бы на его месте сделала я? И пациент озвучил мои выводы: – У него просто не было выбора...

– Я понимаю, – осторожно опустилась на стул, рассматривая его.

– Ты для него – лучшее, что может произойти, – смотрел он мне в глаза. – Смысл жизни. И он отдаст за тебя жизнь, он сделает все, чтобы ты была счастлива. Это я не смог. А Блейк... он сможет. Просто в этих обстоятельствах все не так, как хотелось бы...

– Дарджел, я понимаю, – захотелось закончить этот разговор. Этот мужчина, казалось, слишком многое знал из того, что я еще не знала о себе, и от этого становилось неуютно.

– Прости, если надоедаю... Мне хотелось... что-то сделать для него, он меня так оберегает.

Странно было слышать, что Блейк кого-то оберегает. Хотя... почему нет? Они с Дарджелом единственные настоящие.

– Вы прямо как люди, – попробовала улыбнуться я.

Он улыбнулся в ответ:

– Мы можем быть такими же, да... Но только ради вас. – Его взгляд, блеснувший на секунду, совсем угас. Повисло неловкое молчание, которое хотелось быстрее стряхнуть:

– Я могу что-то сделать для тебя?

Его голос стал глухим:

– Тебя можно попросить еще снотворного, которое нам дают? У меня кончилось...

Остаток дня я ходила из угла в угол, не находя себе места. Когда закончился рабочий день, побросала остатки бинтов в ящики и, закрыв медбокс, направилась быстрым шагом по пустым коридорам. Слишком пустым, но я не сразу обратила на это внимание. Обычно на втором ярусе я уже натыкалась на механиков, сдающих смену, теперь же здесь было так тихо, будто все уже

спали. Замерев и прислушавшись, я глянула на часы на запястье – восемь ноль три. Как обычно...

Внутри нарастала тревога, и я двинулась по коридору, стараясь ступать как можно тише, поэтому звук щелчка освещения заставил подпрыгнуть на месте. Включение аварийного тусклого голубого, рисующего пути эвакуации под ногами, выпустило разом весь накопленный за день адреналин. Я прижалась спиной к стене и двинулась по коридору. До моей каюты было еще два пролета – в иллюминаторах по утрам я даже видела солнце, а вот в медбоксе они транслировали только серо-синюю муть. Но сейчас это казалось сомнительным преимуществом. Вызовы капитана по комму ничего не дали – он просто не отвечал.

– Морган, твою мать! – зашипела я сдавленно и выругалась.

И тут с той стороны, откуда я пришла, слышались быстрые шаги, отдающиеся глухим звоном. Я едва не рванулась в их сторону, но что-то остановило... К ним прилагался сгущающийся горький цветочный запах и сдавливающее ощущение в висках и груди. Не раздумывая, я кинулась бежать. Да, выдавая себя с потрохами, но мое единственное преимущество – разделяющее нас расстояние. Взлетая по лестнице, я едва ли услышала, как шаги ускорились – он стал двигаться тише и будто скользил по полу, а не бежал.

В происходящее верилось с трудом. Я будто попала в какой-то триллер с маньяком-убийцей, который перебил уже всех, а я, сидя в своем боксе, даже не подозревала об этом. Добраться до каюты уже не представлялось возможным, и я неслась в сторону столовой, где, кажется, можно было закрыть двери. Один поворот, второй, третий... и закрытый шлюз! Мы что, тонем?! Как назло где-то что-то звучно застучало, и я добавила грохота, врезаясь на полном ходу в металлическую заслонку.

– Черт!

Воспаленные костяшки обожгло болью, стоило стукнуть в двери. Я заметалась в поисках ручных механизмов, когда вдруг меня ошпарило пониманием – поздно. Я, скорее, почувствовала его взгляд – он прожег кожу между лопаток, как огнем сигареты. Развернувшись лицом к коридору, я увидела его, стоявшего в нескольких шагах.

Зверь плавил пристальным хищным взглядом, его глаза горели в темноте ярко-синим, бросая в едва сдерживаемую панику. Но звать на помощь бесполезно, метаться в истерике – тоже.

– Успокойся, – глухо прозвучал его приказ, и он двинулся ко мне.

Я распласталась по двери шлюза, мечтая вжаться в железо или провалиться сквозь обшивку, но ничего из этого мне не светило. Зверь медленно приближался, будто растягивая удовольствие.

– Вышел поохотиться? – голос дрожал.

– И очень удачно. – Он замер в паре шагов от меня, медленно сканируя взглядом снизу вверх. – Решила побегать?

– Почему ты не в камере?

– Меня выпустили. На час. Чтобы забрал свое и убрался в каюту.

Так вот как Морган решил дать мне договориться! Скорее, благополучно попасться Зверю и не доставлять проблем никому, чтобы их уговор оставался в силе.

– Сволочь, – вырвалось у меня.

Зверь не стал уточнять, кто именно. Изящно сократил разделявшие нас два шага и посмотрел на меня в упор:

– Не слушаешься, – констатировал с непонятной интонацией. Запах горькой карамели наполнил рот слюной, и я шумно сглотнула.

– Имею такую привычку, – нагло вздернула подбородок.

– Зря, – дрогнули уголки его губ, и солнечного сплетения будто коснулось что-то горячее, свернуло все внутри в пружину и стало затягивать ее с каждым вдохом все туже. – Но я предлагаю сейчас спокойно направиться в нашу каюту и не устраивать для всех наблюдателей бесплатное шоу. – От его вкрадчивого шепота хотелось вспыхнуть и съежиться черными ошметками. Он был прав тысячу раз! Догадка, что сейчас весь этот цирк наверняка смотрят и, чем черт не шутит, делают ставки, мне показалась весьма правдивой. Но как же было тяжело последовать его дельному совету! – Хайди, – он осторожно протянул руку, будто боялся спугнуть.

Я изобразила гордость и оттолкнулась от шлюза, проигнорировав его жест. Хотелось стиснуть грудную клетку, чтобы сдержать все эмоции, которые разрывали ее. Бессильно орать, ругаться и драться, но он прав – только повеселим наблюдателей.

А вот когда за спиной лязгнула железная дверь, я резко обернулась. Ничего не поменялось – тот же спокойный горящий взгляд, только бежать больше некуда.

– Не подходи, – попятилась я. – С чего я взяла, что он и дальше будет таким податливым? С чего я вообще взяла, что с ним так можно? – Я не буду больше с тобой спать...

Он вдруг повел носом, глаза пугающе сузились:

– Значит, с капитаном тереться продолжаешь, – он резко выбросил вперед руку и, схватив меня за шею, рванул в сторону ванной. Я вскрикнула, когда форма затрещала от его рывка.

– Пусти!

– Рот закрой! – процедил, развернув меня к себе. От спокойного и рассудительного мужчины не осталось и следа. Зверь – бешеный и неуправляемый. Он срывал с меня одежду, не заботясь, что я при этом чувствую. – Какого черта он тебя лапал?!

Я хотела крикнуть, что это не его дело, но испугалась. Мне казалось, он порешит меня тут же, а потом порвет Моргана.

– Он обрабатывал мне царапины от твоих когтей! – вскричала.

– Не дергалась бы – не пришлось обрабатывать! – рыкнул он и рванул меня в душевую кабинку.

– Да пошел ты! – развернулась и стукнула его в грудь со всей силы, а он ударил в ответ по кнопке душа. Я только успела подумать, что Зверь – первый в моей жизни мужчина, который не замахнулся дать сдачи, как на голову обрушилась вода. На мой вскрик он развернул меня рывком и толкнул к стенке кабинки. Послышался стук – Зверь сдирал с себя мокрую одежду, а потом позади щелкнула еще одна дверь, сужая пространство между нами.

Плеч коснулись горячие ладони, и я попробовала отскочить, но он только вжал меня в стенку, принимаясь зло тереть кожу. Я ежилась, пытаюсь уворачиваться, но Зверь потерял терпение – обхватил меня за горло и прижал к себе спиной. Укус в шею показался выстрелом – ноги подкосились, воздуха резко стало не хватать. Я обхватила его руку, вставая на носочки и отплевываясь от воды, а он продолжал жадно и зло впиваться в кожу. Каждое его движение отдавалось внизу живота мучительным спазмом, будто он уже трахал меня. Я сжимала ноги, кусая губы, и пыталась сдержать непристойные стоны.

– Блейк! – вскричала, когда он запустил мне вторую руку между ног и без прелюдий ворвался внутрь.

Нервы натянулись до предела, и стоило их дернуть – меня потрянуло. Я задрожала в его руках, скуля и выгибаясь, выпрашивая, чтобы не останавливался. В голове будто взорвало тормоза. Когда он вытащил меня из душа и толкнул на кровать, я уже не сопротивлялась. Даже мокрой было жарко, а когда Зверь навис сверху и собрал влажные волосы в кулак, вынуждая смотреть в глаза – тело будто окатило кипятком. Я бы предпочла не видеть его и не делиться своей позорной капитуляцией. Но его это не устраивало.

– Смотри на меня, – приказал он жестко и прихватил губами подбородок, когда я выгнулась от медленного скольжения его члена по самому чувствительному, пытаюсь сбежать.

Его глаза полыхали холодным огнем, взгляд диктовал условия, а тело не оставляло выбора и возможности сопротивляться. Я сама схватилась за его плечи, когда он преодолел сопротивление и рывком схлестнул наши бедра, обвила его ногами и подалась навстречу. Чувство, что умру, если не получу от него то, что он хочет отдать, не оставило выбора. Я до дрожи его хотела – каждое движение, каждый вздох. Двигалась навстречу, впивалась пальцами в плечи и подставляла грудь под его губы, будто я не его жертва, а женщина. Будто я знаю, как это – быть настолько желанной. А он смотрел мне в глаза, сжимая пальцы в моих волосах, и двигался все быстрее. Жадно, дико, без передышки, доводя меня до состояния, которое обычно моим мужчинам было безразлично.

– Нет-нет-нет, – пыталась опомниться.

Но ничего не вышло, и я забилась в его руках от оргазма, вынужденно разделяя каждый вздох со Зверем, а он будто пил мои эмоции и не собирался останавливаться. Показывал мне, как я его хочу, и насколько мое «нет» ничего не значит. Хотела взбрыкнуть, вырваться из его рук, ведь он получил желаемое, но тело не слушалось, расслабленно плавясь от затухающих волн удовольствия. Я вяло дернулась, но тиски объятий только сильнее сжались. Он устроился со мной, уложив мою голову себе на плечо, и продолжал успокаивать – гладил, тяжело дыша.

– Пусти, – еле выдавила.

Послышался смешок.

– После такого говорят не «пусти», а «спасибо».

– Иди к черту!

– Вместе с тобой – куда угодно.

Его пальцы впились в шею, напоминая, что в переговорах с ним я снова проиграю.

Без скальпеля так точно...

* * *

Я еле заставил себя ее выпустить. Первый раз только разбудил аппетит, но не утолил голода. Но она не сдавалась так быстро, да и... сдастся ли вообще – непонятно. Кончает подо мной, но очков мне не прибавляет.

– Не знал, что оргазм может быть хуже изнасилования. Вчера ночью ты меня так не ненавидела...

– Вчера ты казался жертвой обстоятельств, и я умирала, – поднялась она и вознамерилась направиться в душ, но я перехватил за руку и дернул к себе. Девчонка уперлась ладошками мне в плечи, трогательно стесняясь наготы. Ее красивая взбудораженная грудь оказалась аккурат в доступе для губ, но я только нагло облизнулся, глядя ей в глаза:

– А что сегодня?

– Сегодня я сказала, что не буду...

– Твое тело сказало другое, – надоело мне уговаривать. – Связь с тобой – не на одну ночь. Вчера ты пыталась договариваться... – На хрен мне не дались договоренности, но я хотел «да»! Оно мне было нужно, как воздух. Не хотелось верить, что я потерял остатки себя в заключении, что неспособен заставить женщину хотеть меня. Тем более – свою женщину. – Давай вернемся к этому вопросу.

Она сжималась в моих руках, стараясь закрыться и одновременно показать мне, насколько ей плевать на мой взгляд. А я пожирал ее глазами, давая понять – как сильно хочу и буду. И плевать на ее мнение – она тоже будет хотеть...

– Ты без меня не выберешься. – Унизительно было напоминать о ее положении, но если так я могу закрепиться на зыбкой почве ее доверия – плевать.

– А ты сам выберешься?

Я оскалился, не сдерживая уверенности в эмоциях, и она нахмурилась – почувствовала меня и испугалась этого.

– Выберусь. – Мы замолчали, изучая друг друга. Вернее, изучал я. Она пыталась выдержать мое внимание. – Я не обижу, – осторожно потянул девочку на себя, и она поддалась.

– Ты уже обидел... – дышала все чаще, и я не понимал, почему. Боится?

– Не специально – так вышло. Больше не буду.

Она вдруг протянула руку к моему лицу, а я дернулся назад, не успев сообразить, что это просто рука. Самоуверенность сползла с лица, оставляя чувство наготы. Я смотрел на нее широко раскрытыми глазами, понимая, что не успел спрятать это чувство, и ее взгляд снова наполнился жалостью.

– Не будешь, значит... – Она не улыбнулась, но в эту секунду будто надела мне ошейник со злой усмешкой. И хотя это я брал ее силой, я втянул в эту связь... мне стало казаться, что это она утащила меня за собой.

– Не буду, – тяжело сглотнул. – Обещаю... – Еще одно обещание, о котором она не просила, но я с готовностью дал. И дернул ее в свои руки, будто она согласилась на обмен, вынудил ее развести ноги и усесться лицом. – Хайди, – смаковал ее имя. Хотя «Девочка со скальпелем» шло ей больше.

– Так и что с договоренностями? – в ее взгляде скользнул холод. И это взбесило. Но я взял себя в руки... вернее, ее.

– А что ты хочешь? – сжал в объятьях, прикрывая глаза. Приближение скорой грозы между нами наэлектризовало воздух почти ощутимо. – Что заставит тебя чувствовать себя по-другому?

– Я тоже хочу свободы...

Захотелось грянуть громом, что никакой свободы от меня ей не светит, что только мне решать, как, где и сколько... Но я будто наяву видел ту железобетонную стену, которую она выстроит между нами...

Перед глазами вдруг встала картинка из прошлой жизни...

...Разъяренный неменяемый брат, метавшийся по лужайке перед домом. Я тогда приехал с очередной военной подготовки буквально на пару дней, чтобы выслушать от него тонны нотаций и снова уехать, сцепив зубы. Зачем я приезжал в дом родителей – загадка. Но меня туда тянуло, потому что другого дома не было. А там – он. И то утро отложилось в памяти ярко, никогда не видел его таким... неменяемым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/vladimirova_anna/po-pravu-zverya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)